

Мелисса П.

СТО ПРИКОСНОВЕНИЙ

ЛИМБУС ПРЭСС
Санкт-Петербург
Москва

Мелисса П.

**Сто прикосновений
(Дневник Мелиссы)**

2004

П. М.

Сто прикосновений (Дневник Мелиссы) / М. П. — 2004

Дневник итальянской школьницы поражает не столько шокирующей откровенностью, сколько рискованностью экспериментов. В пятнадцатилетней девушке сочетаются на равных: опытная страстная женщина, Лолита с трезвым циничным умом и наивная девочка, мечтающая о принце. Книга стала настоящей мировой сенсацией. Только в Италии в 2004 году было продано более 750 000 экземпляров в рекордно короткий срок.

Содержание

6 июля 2000 г. 15:25	5
8 июля 2000 г. 8:30 вечера	7
10 июля 2000 г. 10:30	8
13 июля, утро	9
29 июля 2000 г	12
1 августа 2000 г	13
3 декабря 2000 г. 22:50	14
25 января 2001 г	15
4 марта 2001 г. 7:30	16
6 марта 2001 г	19
9 апреля 2001 г	20
30 апреля 2001 г	22
7 июля 2001 г. 12:38 ночи	23
5 августа 2001 г	24
11 сентября 2001 г. 15:25	25
28 сентября 2001 г. 9:10	26
10 октября 2001 г. 17:15	28
14 октября 2001 г. 17:30	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мелисса II

Сто прикосновений (Дневник Мелиссы)

Anne

6 июля 2000 г. 15:25

Дневник, я пишу тебя.

В комнате почти темно. Стены увешаны эстампами Климта и плакатами Марлен Дитрих: она смотрит на меня надменно и томно, пока я царапаю свои каракули. Лучи солнца пробиваются сквозь жалюзи и отражаются на белом листе.

Стоит жара, знойная, сухая.

Из соседней комнаты доносятся звук телевизора и голос моей сестры, напевающей мотив из какого-то мультика; на улице кричит легкомысленный сверчок. В доме спокойно и тихо.

Кажется, что все упрятано под тончайшим стеклянным колпаком, и жара затрудняет движения; но во мне нет покоя. Как если бы мышь грызла мою душу так незаметно, что казалось бы почти нежным. Мне и не плохо, и не хорошо, беспокоит то, что мне «никак».

Но достаточно поднять глаза и встретить свой взгляд, отраженный в зеркале, чтобы покой и тихое счастье снова завладели мной.

Я люблю себя перед зеркалом, я испытываю восторг от форм, которые постепенно становятся более определенными и уверенными, от грудей, уже заметных под футболкой: они нежно вздрагивают при каждом шаге... Когда я была еще маленькой, моя мать ходила по дому совсем голой, и я привыкла видеть женское тело. Поэтому для меня не являются тайной формы взрослой женщины; но, как запущенный лес, волосы, скрывающие Сокровенное место, притягивают взгляд.

Отражаясь в зеркале во весь рост, я медленно трогаю там пальцем и, глядя себе в глаза, испытываю к себе чувство любви и восхищения.

Удовольствие смотреть на себя настолько велико и настолько сильно, что сразу превращается в физическое наслаждение, начинаясь щекотанием, заканчивается жаром и мурашками, которые длятся лишь несколько мгновений. После этого наступает смущение.

В отличие от Алесандры я никогда не даю воли фантазиям. Недавно она мне сказала, что она тоже себя трогает, и сказала, что в такие моменты ей нравится думать, что ею обладает мужчина, трахает ее с силой и жестокостью, почти причиняя ей боль. Я удивилась, потому что для возбуждения мне достаточно просто смотреть на себя. Она спросила, трогаю ли я себя тоже, и я ей ответила, что нет. Я абсолютно не хочу разрушать этот мир, который я сама себе построила, это мой мир, чьими обитателями являются лишь мое тело и зеркало, и ответить «да» на ее вопрос – это было бы предательством по отношению к нам.

Единственное, что меня заставляет хорошо себя чувствовать, – это тот образ, который я вижу и люблю, все остальное – ненастоящее. Ненстоящими являются все мои дружбы, зародившиеся случайно и ставшие посредственными и незначительными... Ненстоящими являются поцелуи, которые я робко подарила нескольким мальчикам из моей школы; как только мои губы касались их губ, я чувствовала какое-то отторжение; и я бы убежала куда-нибудь подальше в тот же миг, когда их язык неумело втискивался в мой рот. Это все – фальшь, это так мало похоже на состояние, в котором я сейчас нахожусь.

Я хотела бы, чтобы все картинки оторвались от стен моей комнаты, чтобы через окно ворвался морозный ледящий холод, а вой собак заменил бы пение сверчков.

Я хочу любви, дневник. Я хочу, чтобы мое сердце растаяло, и я хочу видеть, как сталактиты моего льда ломаются и тонут в реке страсти и красоты.

8 июля 2000 г. 8:30 вечера

На улице галдеж. Смех наполняет этот удушающий летний воздух.

Я представляю себе глаза моих ровесников, когда они выходят из дому: горячие, живые, полные нетерпения поразвлечься вечером. Они проведут ночь на пляже и будут петь под гитару, и кто-то удалится туда, где темнота скрывает все, и будут нашептывать друг другу неопределенные по смыслу слова. Кто-то другой на следующий день поплывет в море, уже потеплевшее от утреннего солнца, таинственное и хранящее незнакомую морскую жизнь. Они будут жить и знать, как управлять своей жизнью. О'кей, я согласна, я тоже дышу, в биологическом смысле со мной все в порядке... По мне страшно. Мне страшно выходить из дому и встречать незнакомые взгляды. Я знаю, что я живу в вечном конфликте с собой, в какие-то дни мне приятно находиться среди людей, и я чувствую в этом настоящую потребность. А в иные дни единственное, что мне нужно, так это остаться в полном одиночестве. Тогда я лениво сгоняю моего кота с постели, ложусь на спину и думаю.

Иногда ставлю какой-нибудь CD, почти всегда классическую музыку. И мне хорошо в тайном сговоре с музыкой, и мне ничего не надо. Но эти шумы на улице меня терзают, я знаю, что этой ночью кто-то будет жить интенсивнее, чем я. А я останусь внутри этой комнаты слушать звуки жизни, я буду их слушать, пока сон не обнимет меня.

10 июля 2000 г. 10:30

Знаешь, дневник, что я думаю? Я думаю, что это была отвратительнейшая идея – начать вести дневник... Я знаю, какая я, я себя знаю. Через несколько дней я где-нибудь потеряю ключ или, может быть, по своей воле я прекращу писать, потому что отношусь очень ревниво к своим мыслям. Или, может быть, даже наверняка, эта бестактная особа – моя мать – будет рыться в моих бумагах, найдет тебя, и тогда я почувствую себя глупой и перестану рассказывать.

Я не знаю, идет ли мне на пользу изливать свою душу, но, по крайней мере, меня это отвлекает.

13 июля, утро

Дневник, я довольна!

Я вчера была на вечеринке с Алессандрой – высокая и тонкая, на каблуках, она красива, как всегда, и, как всегда, немного грубовата в выражениях. Но внимательная и нежная. Сначала я не хотела идти, потому что на вечеринках мне скучно, и еще потому, что вчера жара была такая удушливая, что я ничего не могла делать.

Но она меня уговорила пойти с ней, и я согласилась.

На мотороллере мы доехали с песнями до самой окраины городка, откуда виднелись холмы, превращенные зноем из зеленых и пышных в сухие и невзрачные. Все жители Николози собрались на большой праздник, устроенный на площади, и там, прямо на теплом асфальте, стояли лотки, с которых продавали конфеты и засушенные фрукты. Небольшой особняк находился в конце какой-то темной улочки; как только мы добрались до его решетки, Алессандра замахала руками и прокричала: «Даниэле! Даниэле!»

Он вышел не спеша и поздоровался. Он показался вроде красивым, но в темноте трудно было его разглядеть. Алессандра нас представила друг другу, и он мне слабо пожал руку. Он очень тихо пробормотал свое имя, и я слегка улыбнулась при мысли, что он застенчив; в какой-то миг я заметила, как блеснули в темноте его зубы, поразительной белизны и блеска. Тогда я, сжимая сильнее его руку, произнесла, кажется, слишком громко: «Мелисса»; и, возможно, он не отметил блеска моих зубов, не таких белых, как у него, но, возможно, увидел, как мои глаза зажглись и засверкали.

Уже в доме, при освещении, я поняла, что он действительно красив; я шла позади него и видела, как при каждом шаге двигались его мускулы. Я ощутила себя мелкой при моем росте метр шестьдесят и к тому же – дурнушкой рядом с ним.

Когда же мы уселись в кресла гостиной, он оказался напротив меня и, потягивая пиво, смотрел прямо мне в глаза. Я тогда застеснялась своих прыщиков на лбу и своей слишком белой кожи по сравнению с его кожей. Его нос, прямой и пропорциональный, казался точно таким, как у греческих статуй, а выпуклые вены на его руках придавали ему вид физически сильного человека; его большие темно-синие глаза смотрели на меня высокомерно и насмешливо. Он задал несколько вопросов, при этом выказывая свое безразличие ко мне, но это меня вовсе не обескуражило, мне даже это понравилось.

Он не любит танцевать, и я тоже. Таким образом, мы остались одни, а все остальные в это время бесились, пили, шутили и танцевали.

Внезапно наступила тишина, и мне захотелось от нее избавиться.

– Красивый дом, да? – сказала я, стараясь держаться увереннее.

Он только пожал плечами, и я, чтобы не быть назойливой, замолчала.

Потом начались личные вопросы; когда все увлеклись танцами, он подсел ко мне и стал смотреть на меня, улыбаясь. Я была удивлена, заморожена и ожидала от него любого смелого движения, мы были одни, в темноте... Вдруг его вопрос: «Ты девственница?»

Я покраснела, почувствовала комок в горле, и множество шпилек стали покалывать мою голову.

Я тихо ответила: «Да» – и сразу отвела взгляд, чтобы скрыть свое смущение. Он прикусил губу, подавив смех, так ничего и не говоря. А в душе я выругала себя: «Сейчас ты для него ничтожество! Идиотка!» – но, в сущности, что я могла сказать, ведь это была правда, я – девственница. Меня никто никогда не трогал, за исключением меня самой, и это меня радует. Но любопытство во мне существует, и оно огромно.

Любопытство, прежде всего, узнать мужское тело, мне никогда этого не разрешалось; когда по телевизору показывают сцены с голыми телами, мой отец сразу же хватается пульт и

меняет канал. А когда этим летом я осталась на всю ночь с одним мальчиком из Флоренции, который был здесь у нас на каникулах, то я не осмелилась положить свою руку в то же самое место, куда он уже положил свою.

И потом, было бы интересно испытать удовольствие, произведенное кем-то другим, а не самой, ощутить его кожу моей кожей. И еще: это будет моей привилегией, если среди девчонок моего возраста я буду первой знать, что такое секс.

Почему он задал мне этот вопрос? Я еще не подумала над тем, каким окажется мой первый раз, и, возможно, я об этом никогда и не подумаю, я только хочу это пережить и, если можно, иметь об этом навсегда прекрасное воспоминание, которое будет меня сопровождать в самые печальные моменты моей жизни.

Я думаю, что им мог бы стать Даниэле, я это интуитивно почувствовала по некоторым признакам.

Вчера вечером мы обменялись номерами телефонов, и ночью, пока я спала, он мне послал эсмэску, которую я прочла утром:

«Мне было очень хорошо с тобой, ты очень славная, и я хочу тебя видеть.
Завтра приходи ко мне, мы поплаваем вместе в бассейне».

19:10

Я ошарашена и встревожена.

Встреча с тем, чего до недавнего времени я не знала, оказалась скорее ударом жестоким, если не сказать премерзким.

Его дом – загородный, очень красивый, окружен зеленым садом, в котором мириады прекрасных свежих цветов. В голубом бассейне сверкали солнечные блики, и вода призывала в нее окунуться, но именно сегодня я не могла этого сделать из-за месячных. Сидя под плакучей ивой за столиком из бамбука, со стаканом холодного чая в руке, я наблюдала, как все бросаются в воду, играют и плещутся. Он на меня иногда посматривал, и я, довольная, ему отвечала улыбкой. Потом я увидела, что он выходит из воды, поднимается по ступенькам и направляется ко мне; капли воды медленно стекали с его блестящего торса, а он одной рукой поправлял свои мокрые волосы, разбрызгивая капли вокруг себя.

– Жаль, что ты не можешь с нами поплавать, – сказал он слегка иронично.

– Это ничего, – ответила я. – Зато немного позагораю.

Не говоря ни слова, он взял меня за руку, из другой руки выхватил мой стакан и поставил его на стол.

– И куда же мы идем? – спросила я со смехом, но испытывая невольный страх.

Он не ответил и повел меня вверх по бесконечным лестницам; около одной двери из-под коврика он достал ключ, вставил в замочную скважину, хитро глядя на меня своими блестящими глазами.

– Куда ты меня ведешь? – спросила я, скрывая страх.

И опять никакого ответа, только легкая ухмылка. Он открыл дверь, вошел, таща меня за собой, и закрыл дверь за моей спиной.

В комнате, едва освещенной проникавшим сквозь жалюзи солнцем, было очень жарко; он меня прижал к двери и стал страстно целовать, давая почувствовать вкус его губ, которые отдавали земляникой и даже по цвету очень на нее походили. Его руки опирались на дверь, и мускулы были напряжены, я могла ощущать их силу своими руками, потому что я их ласкала и трогала, и мурашки пробегали по моему телу. Потом он взял мое лицо в свои руки, оторвался от моих губ и спросил тихо: «Ты хотела бы этого?»

Кусая губы, я ответила, что нет, потому что внезапно меня обуяли тысячи страхов, безликих и неопределенных. Он нажал еще больше своими руками на мои щеки и с силой – возможно, он так хотел передать мне свою страсть – стал подталкивать меня вниз, и тут вдруг неожиданно я увидела его член. Сейчас он был передо мною, он источал запах мужчины, и каждая вена, по нему проходящая, выражала такую мощь, что мне показалось естественным померяться с нею. Он нагло прошел сквозь мои губы, стирая вкус земляники, все еще оставшийся на них.

Затем следом – другая неожиданность: во рту появилась жидкость, горячая и кислая, очень обильная и густая. При этой новой неожиданности я так сильно вздрогнула, что сделала ему больно, тогда он схватил мою голову и еще сильнее подтолкнул к нему. Я слышала его тяжелое дыхание, и в какой-то миг мне показалось, что его жар передался и мне. Я выпила ту жидкость, потому что не знала, что с ней делать, в животе у меня что-то заурчало, и мне стало из-за этого стыдно.

Когда я была еще на коленях, я увидела, что его руки опускаются. Думая, что он хочет поднять меня или заглянуть мне в лицо, я улыбнулась, но он рванул с меня купальник, и я услышала звук резинки, когда она ударилась о его кожу, мокрую от пота. Тогда я встала сама и посмотрела ему в глаза в надежде услышать от него какие-нибудь слова, чтобы меня утешить и сделать счастливой.

– Ты хочешь что-нибудь выпить? – спросил он.

Так как у меня во рту еще был кислый вкус от той жидкости, то я ответила: «Да, стакан воды». Он вышел и через несколько секунд вернулся со стаканом воды, а я все еще опиралась на дверь.

Как только он включил свет, я с любопытством стала рассматривать комнату. Я увидела шелковые шторы и скульптуры, а на элегантных диванах – разные книги и журналы. Огромный аквариум освещал своей подсветкой стены. Во мне не было ни беспокойства, ни стыда, но какая-то странная удовлетворенность. Лишь потом на меня навалился стыд. Когда он равнодушно протягивал мне стакан, я спросила:

– Это в самом деле происходит так?

– Конечно! – ответил он с насмешкой, показав свои красивые зубы.

Тогда я улыбнулась и обняла его, вдыхая запах его волос. В то же время я почувствовала, как его руки потянулись к дверной ручке. Он открыл дверь.

– Мы увидимся завтра, – сказал он и поцеловал меня, это было приятно.

Я спустилась ко всем остальным.

Алессандра смотрела на меня, смеясь. Я попыталась ей улыбнуться, но быстро наклонила голову: мои глаза наполнялись слезами.

29 июля 2000 г

Дневник, я уже две недели встречаюсь с Даниэлем.

Я чувствую, что очень привязалась к нему. Это правда, что он довольно резок со мной и никогда от него не услышишь ни комплимента, ни доброго слова: сплошное безразличие, насмешки, провокационный смех. И все же такое его поведение заставляет меня еще больше упорствовать. Я уверена в том, что страсть, которая живет во мне, сумеет полностью сделать его моим, он это скоро увидит.

В полуденные часы монотонного зноя я часто вспоминаю его запах, земляничную свежесть губ, его мускулы, крепкие и подвижные, как огромные живые рыбы. И почти всегда при этом я трогаю себя и испытываю чудесные оргазмы, интенсивные и полные фантазий. Я ощущаю необъятную страсть, я чувствую, как она бьется изнутри о мою кожу, как будто желая прорваться наружу, чтобы выплеснуть всю свою мощь. Мне безумно хочется заняться любовью, я бы этому предалась немедленно и занималась бы целыми днями, пока страсть полностью не вышла бы из меня, наконец, свободная. Но я также знаю, что этого мне не хватит: я сразу же впитаю в себя все, что растеряла, для того, чтобы вновь это выпустить в новом цикле, таком же сильным эмоционально.

1 августа 2000 г

Он сказал, что я не способна этим заниматься, что я не страстная.

Он мне это сказал со своей привычной усмешкой, и я ушла вся в слезах, униженная его словами.

Мы сидели в гамаке в саду, его голова покоилась на моих коленях, я нежно гладила его волосы и смотрела на ресницы его закрытых глаз, ресницы восемнадцатилетнего парня. Я провела пальцем по его губам, он проснулся и взглянул на меня с недоумением.

– Я хочу с тобой заняться любовью, Даниэле, – выпалила я на одном дыхании, с пылающими щеками.

Он смеялся так сильно, так сильно, что поперхнулся:

– Что ты хотела бы сделать?! Да что ты, детка! Ты даже не способна мне его отсосать!

Я взглянула на него, ошарашенная и униженная. Я захотела провалиться сквозь землю его сада, прекрасно ухоженного, и сгнить там, под его ногами, которые бы шагали по мне целую вечность. Я ушла от него с яростным криком «Сволочь!», с силой захлопнула калитку, с силой включила мотороллер. Я уезжала с раненой гордостью и разбитой душой.

Дневник, разве это так трудно – уметь любить?

Я думаю, что не надо было пить его сперму, чтобы вызвать его чувство, а надо было полностью отдаться ему. И сейчас, когда я почти это сделала, когда я этого хочу, он надо мной смеется и меня прогоняет таким вот способом. Что мне делать? Открыть ему свою любовь? Об этом не может идти и речи. Я еще могу доказать, что я способна сделать то, чего он не ожидает, я очень настырная, и у меня это получится.

3 декабря 2000 г. 22:50

Сегодня день моего рождения, пятнадцатилетие.

На улице холодно, утром шел сильный дождь. К нам приходили родственники, я не очень хорошо их встретила, и мои родители отругали меня за это.

Проблема в том, что мои родители видят только то, что им приятно видеть. Когда я оживлена, они участвуют в моей радости и проявляют нежность и понимание. Когда же я грущу, они остаются в стороне и меня избегают, как прокаженную. Моя мать говорит, что я как неживая, что я слушаю зауспокойную музыку и что единственное мое развлечение – это закрыться в своей комнате и читать книги.

Отец и вовсе не знает, как проходят мои дни, и у меня нет никакого желания ему про это рассказывать.

Мне недостает любви, я хочу, чтобы кто-то погладил мои волосы, посмотрел бы на меня ясным взглядом.

В школе день тоже оказался адским: я схватила кол (я не хочу учиться), и мне пришлось выполнять отдельное задание по латыни. Мысли о Даниэле забивают мою голову с утра до вечера и даже захватили мои сны; я никому не могу открыться, никто не поймет, что я испытываю по отношению к нему, я это знаю.

Когда я выполняла задание, в классе стояла тишина; и вдруг стало темно, оттого что погас свет. Я позволила Ганнибалу пересечь Альпы, гусям на Кампидолью его ожидать, а когда я захотела посмотреть сквозь запотевшее окно на улицу, то увидела в нем свое отражение – мутное, лишённое четких очертаний: дневник, без любви человек – ничто, ничто... (А ведь я – женщина...)

25 января 2001 г

Сегодня ему исполняется девятнадцать лет.

Едва проснувшись, я схватила мобильник, и звук нажимаемых кнопок оживил комнату; я послала ему поздравление. Я знаю, что он не ответит даже простым «спасибо» и, может, засмеется, читая его. Особенно, когда прочитает последнюю мою фразу: «Я тебя люблю, и только это имеет значение».

4 марта 2001 г. 7:30

Прошло много времени с тех пор, как я писала в последний раз.

Почти ничего не изменилось.

Я кое-как просуществовала все эти месяцы и пронесла на своих плечах груз неадекватности по отношению к этому миру. Я вижу вокруг лишь одну серость, и мне становится почти тошно при мысли выйти из дому. Чтобы идти куда? С кем?

За это время мои чувства к Даниэле возросли, и сейчас во мне взрывается желание: хочу, чтобы он был только моим.

Мы не видимся с того утра, когда я ушла из его дома в слезах, и только вчера вечером его звонок нарушил монотонность, сопровождавшую меня все это время. Я так надеюсь, что он не изменился, что в нем осталось все таким же, как в то утро, когда он познакомил меня с Неизвестным.

Его голос разбудил меня от долгого и тяжелого сна. Он спросил, как я поживаю, что я делала в эти месяцы, и затем, смеясь, спросил, выросли ли мои сиськи. Я ответила, что да, хотя это совсем неправда. А потом я напомнила ему о том, что он услышал в то самое утро, а именно: что я хотела с ним заняться ЭТИМ. В последние месяцы мое желание изнурило меня: я трогала себя до отчаяния, испытывая тысячи оргазмов. Желания овладевали мною даже на уроках, и я, будучи уверена, что никто за мной не наблюдает, упиралась секретным местом в железное сиденье парты и производила легкие надавливания телом.

Удивительно, но вчера он меня не высмеял и даже слушал меня молча, пока я признавалась ему. Он мне сказал, что ничего странного в этом нет и что это нормально, если у меня есть определенные желания.

– Более того – сказал он, – так как я тебя давно знаю, я могу тебе помочь их реализовать.

Я вздохнула и покачала головой.

– За восемь месяцев любая девчонка может измениться и понять то, что раньше не понимала. Даниэле, скажи лучше, что у тебя под рукой нет ни одной пизды и вдруг, – а про себя подумала: наконец-то! – ты вспомнил обо мне! – выпалила я.

– У тебя крыша поехала! Дай мне сказать, иначе с такой, как ты, нечего и разговаривать.

Испугавшись, что еще раз получу мордой об стол, я унизилась до восклицания умоляющего «Нет!» и потом:

– Хорошо, хорошо. Извини меня.

Умирая от любопытства, я его подзадорила своим инфантильным приемом продолжить разговор.

– Вижу, что ты поумнела... у меня к тебе есть предложение, – сказал он.

Он мне сказал, что со мной он этим и занялся бы. Только при условии, что между нами ничего не появится, что это будет лишь сексуальная связь и что мы будем друг с другом встречаться, когда будем чувствовать в этом необходимость. Я подумала, что если сексуальная связь продлится долго, то она сможет перерасти в любовный роман и в большое чувство. Даже если оно поначалу не появится, то появится потом, благодаря привычке. Я уступила его воле, так велико было мое желание: я стану его маленькой любовницей на какой-то срок, а когда я ему надоем, он от меня освободится без лишних проблем. Вот в таком виде мой первый раз мог бы показаться самым настоящим контрактом, которому, может, не хватало только письменного документа с печатью и удостоверяющими подписями между одним лицом, слишком хитрым, и другим лицом, слишком любопытным и охочим, принявшим условия со склоненной головой и с сердцем, которое вот-вот разорвется.

Я, однако, надеюсь на хороший результат, потому что хочу сохранить воспоминание об этом навсегда и хочу также, чтобы оно было прекрасным, сияющим и поэтическим.

15:18

Я ощущаю свое тело разбитым и тяжелым, невероятно тяжелым.

Впечатление такое, что на меня упало нечто огромное, и оно меня раздавило. Я имею в виду не физическую боль, а другую, ту, что внутри меня.

Я не испытала физической боли, даже когда была сверху...

Сегодня утром я выкатила свой мотороллер из гаража и поехала к нему домой.

Было очень рано, город еще спал, и улицы были почти пустынными; изредка какой-нибудь водитель грузовика мне громко сигналил и посылал какой-то комплимент, а я слегка улыбалась и думала, что другие, возможно, видят мою радость, которая делает меня еще красивее и лучезарнее.

Подъехав к дому, я посмотрела на часы и увидела, что я, как всегда, явилась намного раньше. Тогда я села на мотороллер, взяла из папки учебник по греческому языку, чтобы повторить урок, заданный на сегодняшнее утро (если бы мои училки знали, что я прогуливаю занятия ради того, чтобы трахнуть с парнем!). Я нервничала и перелистывала книгу, не воспринимая ни слова, мое сердце пульсировало быстро, и я чувствовала, как моя кровь мчится по жилам. Я положила в папку учебник и посмотрелась в зеркальце мотороллера. Я подумала, что мои очки в розовой оправе каплевидной формы его очаруют, что черное пончо, накинутое на мои плечи, его поразит, я улыбнулась, покусывая губы, и ощутила гордость за саму себя. Было без пяти девять, и я решила, что не будет трагедией, если я позвоню раньше положенного.

Поздоровавшись по домофону, я тут же увидела его обнаженный торс в окне. Он поднял жалюзи и с суровым лицом произнес:

– Еще без пяти, подожди там внизу, я тебя позову ровно в девять.

Тогда я рассмеялась, но сейчас, вспоминая все это, понимаю, что именно так он мне давал знать, кто устанавливает правила и кто их должен выполнять.

Он вышел на балкон и сказал:

– Можешь войти.

На лестнице я почувствовала запах кошачьей мочи и увядших цветов, я услышала, как открывается дверь, и тогда я стала перепрыгивать через две ступеньки, потому что не хотела ни на миг опоздать. Он оставил дверь открытой, я вошла и тихо его позвала. Я услышала шум на кухне и направилась туда. Он вышел мне навстречу и остановил меня, целуя в губы быстро, но прекрасно, и снова мне вспомнился его земляничный запах.

– Иди туда, я вернусь через секунду, – сказал он, указывая на первую комнату направо.

Я вошла, комната была в полнейшем беспорядке, как будто она проснулась недавно вместе с ним. На стене были развешаны американские номера автомобилей и разнообразные фото его путешествий. На тумбочке стояла его детская фотография в рамке, я к ней слегка прикоснулась, а он, подойдя сзади, перевернул рамку и сказал, что мне не надо смотреть на это фото.

Он взял меня за плечи, развернул, внимательно осмотрел и сказал:

– Какого хуя ты так оделась?

– Пошел ты в жопу, Даниэле, – ответила я, обиженная в очередной раз.

Зазвонил телефон, и он вышел из комнаты ответить на звонок: я плохо слышала, что он говорил, так как слова доносились до меня невнятным, а смех был приглушенным.

В какой-то миг я расслышала: «Подожди. Я пойду посмотрю на нее и потом тебе отвечу».

После чего он просунул голову в дверь, посмотрел на меня, вернулся к телефону и сказал: «Она стоит около постели, засунув руки в карманы. Сейчас я ее выебу, а потом тебе расскажу. Чао».

Он вернулся с сияющей физиономией, а я ему ответила нервной улыбкой.

Ничего не говоря, он опустил жалюзи и закрыл на ключ комнату, затем, мельком взглянув на меня, снял брюки, оставаясь в трусах.

– Ну и? Почему ты еще одета? Раздевайся! – сказал он с гримасой.

Он посмеивался, пока я раздевалась, а когда я уже была полностью голой, он чуть наклонил голову и сказал:

– Ну... ты еще ничего. Я заключил пари с одной телкой...

На этот раз я не улыбнулась, меня трясло, я смотрела на свои белые руки, ослепительно белые под лучами солнца, едва проникавшими сквозь жалюзи. Он начал целовать меня, сначала в шею, потом постепенно дошел до груди, потом до Сокровенного места, где уже начала протекать Лета.

– Почему ты не удалишь здесь волосы? – прошептал он.

– Нет, – сказала я также шепотом, – мне больше нравится так.

Наклонив голову, я смогла увидеть, что он возбужден, и тогда я его спросила, не хочет ли он начать.

– А как бы тебе это хотелось сделать? – спросил он незамедлительно.

– Я не знаю... ты сам скажи... я никогда этого не делала... – ответила я с неприятным чувством стыда.

Я растянулась на неубранной постели с холодными простынями, Даниэле лег на меня, посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

– Давай ты сверху.

– А мне не будет больно, если так? – спросила я почти с упреком.

– Нет, это не важно! – воскликнул он, не глядя на меня.

Я взобралась на него и позволила, чтобы его член нашел вход в мое тело. Я испытала немного боли, но боль не была ужасной. Ощущение его внутри меня не вызвало того потрясения, которого я ожидала, даже наоборот. Его орган вызвал жжение и неудовольствие, но это было естественным для позы, в которой я была. Ни одного стога не вырвалось из моих губ, изображавших улыбку. Дать ему понять мою боль означало показать те чувства, которых он не хочет знать. Он хочет воспользоваться моим телом, он не хочет узнать мой свет.

– Давай, детка, я тебе не сделаю больно, – сказал он.

– Нет, я не боюсь. Но ты не мог бы быть сверху? – спросила я, чуть улыбаясь.

Со вздохом он согласился и перевернулся на меня.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – спросил он, когда медленно начал движения.

– Нет, – ответила я, полагая, что он спрашивал о боли.

– Как «нет»? Может, это из-за презерватива?

– Не знаю, – повторила я. – Мне не больно.

Он посмотрел на меня с отвращением и сказал:

– Ты, пизда, – не девственница.

Я сразу не ответила и взглянула на него с изумлением:

– Как это нет? Прости, что это значит?

– С кем ты этим уже занималась, а? – спросил он, быстро встал с постели и начал собирать одежду, разбросанную по полу.

– Ни с кем, клянусь! – сказала я громко.

– На сегодня хватит.

Бессмысленно рассказывать все остальное, дневник.

Я ушла, и у меня не было смелости даже заплакать или закричать, только бесконечная грусть, которая сжимает мне сердце и постепенно его пожирает.

6 марта 2001 г

Сегодня моя мать за обедом посмотрела на меня пронзительным взглядом и спросила властным тоном, о чем это я так тяжело думаю в эти дни.

– О школе, – ответила я со вздохом. – Мне задают много заданий.

Мой отец в это время ел спагетти, наматывая их на вилку, и поднимал глаза только для того, чтобы смотреть по телевизору последние события итальянской политики. Я вытерла губы салфеткой (на ней остался след соуса) и быстро вышла из кухни, пока мать ругалась, что я никого и ничего не уважаю и что в моем возрасте она за все отвечала, стирала салфетки, а не пачкала их.

– Да! Да! – кричала я в ответ из своей комнаты.

Я разобрала постель, нырнула под одеяло, и простыни стали мокрыми от слез.

Запах стирального порошка смешивался со странным запахом соплей, капающих из носа; я их подтерла ладошкой, и слезы тоже. Я стала разглядывать собственный портрет на стене, который написал один бразильский художник в Таормине; он меня остановил на улице и сказал:

– У тебя такое красивое лицо, позволь, я его нарисую. Я с тебя денег не возьму, это правда.

И пока он своим карандашом набрасывал линии на листе бумаги, его глаза блестели и улыбались, а губы – нет, они оставались сжатыми.

– Почему вы думаете, что у меня красивое лицо? – спросила я, пока ему позировала.

– Потому что оно выражает красоту, чистоту, невинность и духовность, – ответил он, широко жестикулируя руками.

Лежа под одеялом, я вспомнила слова художника и вспомнила позавчерашнее утро, когда я потеряла то, что старый бразилец увидел во мне как редкость. Я это потеряла среди простыней слишком холодных, в руках того, кто уничтожил собственное сердце, и оно у него больше не пульсирует. Оно мертво. А вот у меня есть сердце, даже если он этого не видит, даже если, может быть, никто никогда этого не увидит. И перед тем, как его открыть, я отдам свое тело любому мужчине по двум причинам: потому что, получая меня, он ощутит вкус злости и горечи и поэтому проявит хоть минимум нежности, а еще потому, что влюбится в мою страсть до такой степени, что без этого он уже не сможет никак. И только потом я полностью отдам себя, без промедления, без условий, чтобы ничто из того, что я всегда хранила, не пропало бы. Я его буду держать крепко в своих руках, и я его буду выращивать, как редкий и нежный цветок, заботясь о том, чтобы порыв ветра случайно его не сломал бы, клянусь в этом.

9 апреля 2001 г

Дни стали лучше, и весна в этом году разразилась без каких-либо полумер.

В один прекрасный день я просыпаюсь и нахожу, что цветы расцвели, воздух потеплел, а море собирает отражения неба и приобретает интенсивный синий цвет.

Как всегда по утрам, я сажусь на мотороллер и еду в школу; холодок еще пощипывает, но солнце обещает, что днем будет тепло. Издалека в море видны те скалы, которые Полифем бросил в Никого после того, как этот Никто его ослепил.¹ Они вонзились в морское дно и находятся там с давних пор, и ни войны, ни землетрясения и даже мощные извержения Этны не смогли их опрокинуть. Они гордо возвышаются над водой, и я думаю: сколько же серости, сколько мелочности в то же время может существовать в мире. Мы разговариваем, передвигаемся, едим, выполняем действия, которые для человеческого рода нужно выполнять, но в отличие от скал мы не остаемся всегда на том же месте, в том же самом положении. Мы портимся, дневник, войны нас убивают, землетрясения нас уничтожают, лава нас поглощает, а любовь нас предает. И мы при этом не бессмертны; но, может, это и хорошо?

Вчера гигантские камни Полифема стояли и смотрели на нас, пока он конвульсивно извивался на моем теле, не обращая внимания ни на мою дрожь от холода, ни на мои глаза, устремленные туда, где луна отражалась в морской воде. Мы все сделали в полной тишине, как всегда, и прежним способом, как всякий раз. Его лицо упиралось сзади в мои плечи, и я чувствовала его дыхание на своей шее, уже не теплое, а холодное. Его слюни смочили каждый сантиметр моей кожи, как будто улитка, медленная и ленивая, оставила собственный липкий след. Его кожа больше не напоминала ту золотистую и потную кожу, что я целовала однажды летним утром; его губы больше не отдавали вкусом земляники, они вообще уже не имели вкуса. В момент оргазма он издал обычный хрип, все более и более напоминающий хрюканье. Он оторвался от моего тела и растянулся на белом банном полотенце рядом со мной, вздыхая, как будто освободился от жуткого груза.

Я легла на бок и стала разглядывать линии его спины. И я ими залюбовалась, дневник; я сделала попытку медленно протянуть к нему руку, но сразу же ее отдернула, не зная, как он отреагирует... Я снова стала смотреть на скалы и на него и так смотрела долго, попеременно переводя взгляд; и вдруг я заметила луну в воде, я стала любоваться ею, прикрыв глаза, чтобы лучше сфокусировать ее отражение и неуловимый цвет.

Внезапно я повернулась к нему, как будто вдруг поняла нечто, некую тайну, прежде недосягаемую.

– Я тебя не люблю, – прошептала я тихо, как бы самой себе.

У меня даже не было времени это подумать. Он медленно повернулся, открыл глаза и спросил:

– Что ты сказала, пизда?

Я некоторое время на него смотрела с каменным неподвижным лицом, а потом сказала уже громко:

– Я тебя не люблю.

Он сморщил лоб, и его брови сдвинулись, и затем он крикнул:

– Какого хуя ты себе придумала?

¹ Полифем – в греческой мифологии страшный и кровожадный великан с одним глазом. По Гомеру: Полифем был ослеплен Одиссеем, назвавшим себя «Никто». Узнав от отплывающего Одиссея его подлинное имя, Полифем в ярости от того, что свершилось давнее предсказание оракула о его ослеплении именно Одиссеем, сбрасывает скалы на его корабли. (Прим. пер.)

Наступила тишина, он снова повернулся ко мне спиной; вдалеке послышался звук закрываемой дверцы машины, а потом – смех какой-то парочки. Даниэле повернулся в их сторону и раздраженно сказал:

– Какого хуя им здесь надо... почему они не ебутся в другом месте... не дают отдохнуть...

– Они тоже имеют право ебаться там, где им хочется, а? – сказала я, рассматривая блеск бесцветного лака на моих ногтях.

– Послушай, моя радость... ты не должна мне говорить, что должны или не должны делать другие. Решаю я, всегда я, и по поводу тебя тоже всегда решал я и впредь буду решать я.

Пока он говорил, я от него отвернулась, лежа на своем мокром полотенце, он же яростно стал трясти меня за плечи и со сжатыми зубами стал изрыгать нечленораздельные звуки. Я не шелохнулась, но каждый мускул моего тела был в напряжении.

– Ты не смеешь со мной так себя вести! – орал он. – Ты не сможешь от меня отвертеться... когда я говорю, ты должна слушать меня, а не отворачиваться, понятно?

Тогда я резко повернулась, схватила его запястья и почувствовала, что они слабые в моих руках. Я испытала к нему жалость, и сердце мое екнуло.

– Я бы слушала тебя целыми часами, если бы ты только со мной разговаривал, если бы ты только мне это позволил, – сказала я тихо.

Я увидела и почувствовала, что его тело расслабилось, глаза сузились, и он стал смотреть вниз.

Он разрыдался и закрыл лицо руками из-за стыда, а потом он снова сел на свое полотенце, согнув ноги, и стал еще больше напоминать беззащитного и невинного ребенка.

Я его поцеловала в щеку, аккуратно свернула свое полотенце, не проронив ни слова, собрала свои вещи и медленно направилась в сторону парочки. Они были в объятиях друг друга, и каждый из них вдыхал запах другого, я на миг остановилась посмотреть на них, и сквозь легкий шум морских волн я услышала, произнесенное шепотом, «я тебя люблю».

Они меня проводили до самого дома. Я их поблагодарила и извинилась, что помешала им, но они меня заверили, что были счастливы мне помочь.

Сейчас же, дневник, пока я тебя пишу, я чувствую себя виноватой. Я его оставила на мокром пляже плакать горькими слезами, ушла от него, как какая-нибудь сволочь, я оставила его, а ему плохо. Но все, что было можно, я сделала: и для него, и для себя тоже. Бывало часто, что он меня доводил до слез, и, вместо того чтобы прижать меня к себе, он меня прогонял, высмеивая; так что сейчас вовсе не будет трагедией, если он останется один. Трагедии не будет и для меня тоже.

30 апреля 2001 г

Я счастлива, счастлива, счастлива!

Ничего такого не случилось, но я счастлива.

Никто меня никуда не зовет, никто меня не ищет, однако радость излучается из каждой моей поры на коже, я счастлива до невероятности. Я избавилась от своей паранойи, у меня больше нет никакой тревоги в ожидании его звонка, у меня больше нет тревоги, что он будет ерзать на мне, наплевав на мое тело и на меня. Я больше не должна врать своей матери, когда она, сама возвращаясь домой неизвестно откуда, меня допытывает, где я была. Я всегда исправно говорила ей очередную хуйню: в центре пила пиво, была в кино или в театре. И перед тем, как заснуть, я придумывала в уме, что бы я делала, если бы на самом деле была в тех местах. Конечно, это было бы определенное развлечение, я бы знакомилась с интересными людьми, у меня была бы жизнь, которая не состояла бы лишь из школы, дома и секса с Даниэле. И сейчас я хочу иметь эту другую жизнь, и неважно, сколько времени у меня уйдет на это, сейчас я хочу кого-нибудь, кого бы интересовала Мелисса. Одиночество, наверное, меня разрушает, но оно меня не страшит. Я – самая лучшая подруга самой себе, я никогда не смогла бы себя предать или бросить себя. Но, возможно, причинить себе боль, причинить себе боль – наверное, да. И не потому, что нахожу удовольствие делать это, а потому, что хочу себя наказать как-нибудь. Как же поступать такой, как я, чтобы любить себя и наказывать себя одновременно? Это противоречие, дневник, я знаю. Но никогда любовь и ненависть не были такими близкими, такими едиными внутри меня.

7 июля 2001 г. 12:38 ночи

Сегодня я снова его видела, и он еще раз воспользовался моими чувствами.

Надеюсь, что в последний раз.

Все началось, как всегда, и все закончилось обычным образом. Я дура, дневник, я не должна была ему позволять приближаться ко мне.

5 августа 2001 г

Все кончено, навсегда.

Я с радостью говорю, что я существую, даже не так: я начинаю жить заново.

11 сентября 2001 г. 15:25

Может, Даниэле сейчас смотрит по телевизору то же, что и я.

28 сентября 2001 г. 9:10

Лишь недавно начались занятия в школе, но в воздухе уже идеи забастовок, демонстраций и собраний, с обычными всегдашними темами; я уже представляю покрасневшие лица тех, кто вступит в противоборство с активистами. Через несколько часов начнется первое собрание года на тему глобализации; сейчас, в данный момент, я нахожусь в классе, на дополнительном уроке, позади меня несколько моих одноклассниц говорят о приглашенном госте, который будет проводить собрание.

Они говорят, что он красивый, у него ангельское лицо и острый ум; они хихикают, когда одна из них говорит, что ее мало интересует острый ум, ее больше интересует ангельское лицо. Те, что сейчас разговаривают, не так давно объявили меня блядью, распространяя слух, что я дала не своему парню; одной из них я доверилась и рассказала все о Даниэле, она тогда меня обняла и сказала, явно притворяясь: «О бедолага!»

– Ты бы уступила такому, как он? – именно она спрашивает другую.

– Ха, я бы сама его изнасиловала против его воли, – отвечает та со смехом.

– А ты, Мелисса, – спрашивает она меня, – что бы сделала ты?

Я обернулась и сказала, что я его не знаю и что мне ничего не хочется делать. Сейчас я слышу, как они смеются, их смех смешивается с металлическим и пронзительным звуком звонка, который оповещает о конце урока.

16:35

На помосте, сооруженном для собрания, я не вникала в проблемы устранения таможен или в проблемы ресторанов МакДональдс (их поджигают), хотя меня избрали для ведения протокола. За длинным столом я оказалась в самом центре, а по обе стороны от меня – представители различных фракций. Парень с ангельским лицом сидел рядом со мной, он все время держал ручку во рту и грыз ее самым неприличным образом. И пока активист из убежденных правых был в схватке с активистом из оголтелых левых, я краем глаза следила за синей ручкой, зажатой в его зубах.

– Запиши мое имя среди выступающих, – сказал он в какой-то момент, глядя в листок с заметками.

– А как тебя зовут? – спросила я безразличным тоном.

– Роберто, – сказал он и на этот раз уже посмотрел на меня, но с таким удивлением, мол, почему я этого не знаю.

Он встал и начал говорить, его речь была сильной и впечатляющей. Я наблюдала за ним, как он непринужденно двигался с микрофоном и с ручкой в руке, зал его слушал очень внимательно, и все улыбались его ироничным остротам, сказанным в нужный момент и в нужном месте. Он – студент юрфака, размышляла я, и это нормально, что у него есть ораторские навыки; я отмечала, что иногда он поворачивался и смотрел на меня хитровато, но непосредственно; я расстегнула блузку до самого начала груди, чтобы виднелась моя белая кожа. Возможно, он отметил мой жест, так как стал поворачиваться в мою сторону чаще и, с видом чуть смущенным, стал направлять на меня любопытные взгляды, по крайней мере, мне так казалось. Закончив выступление, он уселся, снова взял ручку в рот и никак не отреагировал на аплодисменты, предназначенные ему. Потом он повернулся ко мне – я в это время писала протокол – и сказал:

– Я не помню твоего имени.

Мне захотелось поиграть.

– А я его тебе еще не говорила, – ответила я.

Он слегка вскинул голову и сказал:

– Ах да!

Он снова стал писать свои заметки, а я почти улыбалась оттого, что он должен ждать, пока я скажу ему свое имя.

– Ну что, так и не скажешь? – спросил он, пристально глядя мне в лицо.

Я чистосердечно рассмеялась:

– Мелисса.

– М-м-м... оно связано с пчелами. Тебе нравится мед?

– Он слишком сладкий, – ответила я, – я предпочитаю более мужественные вкусы.

Он встряхнул головой, улыбнулся, и каждый из нас продолжил писать свое.

Вскоре он встал, чтобы выкурить сигарету, и я видела, как он смеялся и оживленно жестикулировал, разговаривая с другим парнем, тоже очень красивым, иногда на меня посматривал и улыбался, не вынимая сигарету изо рта. Издалека он казался более стройным и тонким, а волосы казались мягкими и надушенными: маленькие завитки цвета бронзы, мягко падающие на лицо. Он стоял, облокотившись о фонарь, передавая свой вес на одно бедро, поэтому казалось, будто он поддери́гивал брюки рукой из кармана, его рубашка в зеленую клетку выбилась из брюк и болталась; круглые очки дополняли образ интеллектуала. Его друга я уже видела многократно из окна школы, он распространял листовки на улице, всегда при этом во рту у него торчала сигара, горячая или потухшая, – без разницы...

После собрания я принялась собирать листы, разбросанные по столу, чтобы присоединить их к протоколу; в какой-то момент появился Роберто, пожал мне руку и попрощался, улыбаясь:

– До свидания, товарищ!

Я расхохоталась и призналась, что мне нравится быть названной «товарищ». Это уморительно.

– Эй, там! Чего болтаете? Не видите, что собрание закончилось? – сказал завуч, хлопая в ладоши.

Сегодня я довольна, у меня состоялось прекрасное знакомство, которое, надеюсь, на этом не кончится. Ты это знаешь, дневник, я могу быть настырной, если захочу. Сейчас я хочу получить номер его телефона и уверена, что смогу это сделать. Получив номер, я захочу того, о чем ты уже знаешь, а именно: занять место в его мыслях. Но до этого я еще кое-что должна сделать, и ты это тоже знаешь...

10 октября 2001 г. 17:15

Сегодня день мокрый и грустный, небо серое, а солнце – бледное и нечеткое пятно.

Сегодня утром моросил дождичек, а сейчас такие молнии, что вот-вот отключится свет.

Но это все неважно, потому что я очень счастливая.

У дверей школы, как всегда, стояли те стервятники, которые хотят втюхать тебе какую-нибудь книгу или захватить тебя какой-нибудь листовкой, им не до дождя. В зеленом плаще, с сигарой во рту, друг Роберто раздавал красные листки, на лице – застывшая улыбка. Когда он подошел ко мне, чтобы вручить листок, я посмотрела на него в нерешительности, так как не знала, что делать и как себя вести. Я робко пробормотала: «Спасибо» – и очень медленно пошла прочь, раздумывая о том, что такой редкой возможности, может, и не будет. Тогда я написала свой номер телефона на этом же листке и, вернувшись, протянула ему.

– Ты что же, отдаешь его обратно, а не выбрасываешь, как другие?

– Да, я хочу, чтобы ты его передал Роберто, – сказала я.

Он воскликнул удивленно:

– У Роберто сотни таких листков!

Я стала кусать губы и сказала:

– Роберто будет интересно то, что написано на обороте...

– А... я понял... – сказал он. – Будь спокойна, я его скоро увижу и все ему передам.

– Большое спасибо! – Мне захотелось чмокнуть его в щеку.

Я уже была далеко, когда услышала, что меня зовут; я обернулась, оказалось, что это он бежал за мной.

– Короче, меня зовут Пино. Приятно познакомиться. А ты Мелисса, да? – сказал он, запыхавшись.

– Да, Мелисса... вижу, что ты в курсе того, что написано на листке...

– Ну... что поделаешь... – сказал он с улыбкой. – Любопытство свойственно умным людям. А ты любопытна?

Я закрыла глаза и сказала:

– Очень-преочень.

– Вот видишь? Значит, ты тоже умная.

Подпитав свое эго и предовольная собой, я с ним распрощалась.

Я зашла на площадку перед школой, где все обычно встречаются, но сегодня там почти никого не было из-за плохой погоды. Сегодня я вышла из дому позже обычного и поэтому не поехала в школу на мотороллере, потому что движение в час пик ужасное. Через несколько минут зазвонил мобильник.

– Алло?

– Э-э-э... Чао, это я – Роберто.

– Чао!

– Знаешь, ты меня удивила.

– Мне нравится быть смелой. Я могла бы не напоминать о себе, но рискнула получить мордой об стол.

– Ты все правильно сделала. Иначе я бы сам тебя разыскал... Только вот что... Моя девушка учится в твоём лице...

– А, у тебя есть девушка...

– Да, но... это неважно.

– И мне тоже неважно.

– Скажи, а почему ты меня искала?

– А ты почему хотел меня разыскать?

- Ну... я же первый тебя спросил...
- Потому что я хочу познакомиться поближе и провести с тобой время...
- Молчание.
- Ну, теперь твоя очередь отвечать.
- То же самое. Но я тебя предупредил: у меня есть девушка.
- Я мало верю в обязательства, они перестают ими быть, когда перестаешь в них верить.
- Ты не против, если мы встретимся завтра утром?
- Нет, завтра нет, у меня занятия. Давай в пятницу, у нас забастовка.
- Где?
- Перед университетской столовой в 10:30.
- Я приду.
- Тогда чао, до пятницы.
- До пятницы, я тебя целую.

14 октября 2001 г. 17:30

Я пришла, как всегда, намного раньше.

Погода такая же, как четыре дня назад, все невероятно занудно.

Из столовой доносился запах чеснока, а там, где я стояла, было слышно, как поварахи гремят кастрюлями и судачат о ком-то из своих. Какой-то студент, проходя мимо, посмотрел на меня и подмигнул. А я сделала вид, что не заметила. Я скорее прислушивалась к разговорам поварих, чем думала о своем; я была спокойна, ничуть не нервничала, я поддалась потоку внешнего мира и о себе почти не думала.

Он приехал на своей желтой машине, весь закутанный от и до, огромный шарф закрывал ему пол-лица, оставляя незакрытыми лишь очки.

– Это чтобы меня никто не узнал... знаешь, какая моя девушка... Мы поедем по переулкам, это займет чуть больше времени, но зато никакого риска, – сказал он, как только я села в машину.

Дождь хлестал по стеклу так сильно, что казалось, он хочет его разбить.

Мы направились за город, к отрогам Этны, в его деревенский дом. Сухие темные ветви выделялись на фоне серого неба, стаи птиц с трудом летали сквозь плотные струи дождя, в нетерпении долететь до более теплого места. И мне тоже захотелось полететь в какое-нибудь теплое место. Но не было во мне никакой тревоги, как будто я выехала из дому на новую работу: никаких эмоций. Работа достойная и трудная.

– Открой бардачок, там должны быть CD.

Я взяла пару штук и выбрала Карлоса Сантану. Мы поговорили о моей школе, о его университете, а потом и о нас.

– Я не хочу, чтобы ты плохо обо мне думал, – сказала я.

– Ты шутишь? Это все равно что плохо думать о себе самом... короче, мы оба делаем одно и то же одним и тем же способом. Даже не так, для меня это еще более бесчестно, так как у меня есть девушка. Но, видишь ли, она...

– Тебе не даст, – прервала я его, улыбаясь.

– Именно, – сказал он, тоже улыбаясь.

Он въехал в какую-то захудалую улочку и остановился около дома с зелеными воротами, вышел из машины и открыл ворота, затем снова сел в машину, и я отметила изображение Че Гевары на его майке, совершенно мокрой.

– Блядь!... – воскликнул он. – Всего лишь осень, а погода уже премерзкая.

Потом он повернулся и спросил:

– Ты что, немного волнуешься?

Я сжала губы и покачала головой, а потом сказала:

– Нет, вовсе нет.

Пока мы бежали до двери дома, я прикрывала голову своей сумкой. И под этим дождем мы смеялись, как два кретина.

В доме было абсолютно темно и холодно, я сразу ощутила ледяной холод. Я продвигалась с трудом в полной темноте, он же, наверное, к этому привык и, зная здесь каждый уголок, передвигался уверенно. Я остановилась в одном месте, где вроде было больше света, увидела диван и положила на него сумочку.

Роберто подошел ко мне сзади, развернул меня и поцеловал всем языком. Мне было немного противно от такого поцелуя, это было совсем не так, как с Даниэле. Роберто передал мне всю свою слюну, она даже стекла по моим губам. Я нежно отодвинула его, чтобы он ничего не понял, и обтерла губы ладонью. Он взял меня за эту же руку и повел в спальню, где было темно и холодно, как во всем доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.